

Улицы разбитых фонарей

Андрей Кивинов

След бумеранга

«Автор»

Кивинов А. В.

След бумеранга / А. В. Кивинов — «Автор», — (Улицы
разбитых фонарей)

© Кивинов А. В.

© Автор

Содержание

НАЧАЛО	5
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Андрей Кивинов

След бумеранга

НАЧАЛО

- Любовью интересуетесь?
- А ты что, Афродита? Стыдливая растерянность.
- Ой, нет, я только ртом...
- Ну, садись.

Стас вернул кнопку стеклоподъемника в исходное положение и открыл правую дверцу «тойоты».

«Афродита» была в кедах на босу ногу, потертых на коленях лосинах и бодро-красной куртке на «молнии». Стас, проведя внимательным взглядом снизу вверх, рассмотрел гардероб.

– Тебе сколько лет?

– А вы что, мент? («Пал Андреич, вы чекист?» – «Понимаешь ли, Юра...») Интеллект Афродиты по качеству соответствовал кедам. Мент на «тойоте»? А впрочем... Ездят, ездят.

– Нет, я не мент.

– Зачем тогда спрашиваете? Стас не ответил. Включил радио. Модные шведы пели про бьютифул жизнь. То есть про прекрасную лайф.

Никакой любви ему не хотелось. И тормознул он думая, что девчонка ловит на ночной дороге попутку. Стас никогда раньше не брал пассажиров. Даже одиноких красоток, позирующих на обочине с протянутой ручкой. Мужиков тем более.

Сейчас он изменил этому правилу, но не потому, что пожалел подружку, мерзнущую на ночной городской магистрали. Прежде всего, чтобы самому немного остыть, успокоиться, прийти в себя... Чтобы не угробиться на скользком повороте, впилившись в столб или высокий поребрик. Несколько секунд назад он взглянул на спидометр. Стрелка маячила возле двойки с нулями. Однако... А светофоры? Он их не видел. Он ничего не видел. Кроме выхваченного дальним светом фар куска черного, мокрого асфальта. Спокойней, спокойней. Надо отвлечься, забыть, заглушить. Немедленно. Вон девочка. Отвлечемся. Подвезем, пообщаемся. Забудемся.

Любовью интересуешься? Какой любовью?

– Эй, дяденька? Ну, чего? Стас заглушил мотор.

– погоди, сейчас поедem. Движок перегрелся.

– Куда? Я здесь могу. Я никуда не поеду.

– Ах да... Тебе в кедах не холодно? Или это униформа? А за сеанс сколько берешь?

– Двадцать пять. Но можно скинуть. Штук пять.

– Правда, что ль? За что ж это? Вроде не инвалид, не ветеран...

– Не знаю. Просто. Может, вы человек хороший.

– Может.

Стас ослабил галстук, запрокинул голову назад.

Хороший? Плохой? Как все просто. Словно в индийском кино. Этот только хороший, этот только плохой. Обычных нет. Смешение не допустимо. Никаких полутонов.

...Сколько прошло времени? Час, два, больше? Больше. Где же он был? Не заметил. Ну, не заметил.

Он вспомнил обитую кожей, бронированную дверь Гамида с узором из блестящих шляпок-гвоздиков в виде двух перекрещенных сердец. Улыбку хозяина, лязг замка, удаляющиеся шаги по скрипучему паркету. Холод подъезда.

Стас хотел вернуться. «Погоди, Гамид. Это шутка. Ты разве не понял? Всего лишь шутка. Розыгрыш. Пошутили и разошлись. Всем смешно. Не смешно? Ну, значит, юмор у меня такой. Английский. А деньги? Оставь себе. У меня много денег. Видимо-невидимо».

Не вернулся. Дверь исчезла. Все исчезло. Реальность вернулась вместе с Афродитой в красной куртке. Он сделал это. Он перерезал ленточку. Какую ленточку? Куда ты течешь, крыша моя?

Иногда, проснувшись ночью, он смеялся. Жена вздрагивала, тоже просыпалась и советовала обратиться к психиатру. Он поворачивался на другой бок и снова засыпал. Утром он не помнил, что ему снилось, зато прекрасно помнил свой смех. Он смеялся, ведь увиденный им кошмар был всего лишь сном. Радость избавления от страшного сна делала его ночной смех громким и искренним.

Может, разговор с Гамидом ему приснился? Может, не было его пустых глаз, бронированно-кожаной двери, дурацкого узора из «гвоздиков»? Не было сказано: «Да». Им, Стасом, сказано. Всего лишь глупый, идиотский сон.

Надо расхохотаться. Громко, искренне. Проснуться.

– Дяденька, вы чего?

Афродита испуганно смотрела на него крашеными глазками.

– Ничего. Устал.

– У меня времени мало. Давайте скорее решайте.

– Я заплачу за простой. Не спешите.

– Я покурю тогда.

Афродита достала из сумочки мятый «Опал» и белый «Крикет». Дешевые люди, дешевый табак.

...Нет, все это не приснилось. Все это произошло в настоящей реальности. Сегодня, несколько часов назад. Вернее, вчера. Сейчас два ночи.

Отвлекся, перестать думать об этом! Думай о чем угодно, но не об этом.

«Любовью интересуетесь?»

Да, да! Интересуюсь!

Афродита курила, зажав понтырно, по-детски свой мерзкий «Опал». Ей было лет пятнадцать, если не меньше. Отечественный макияж не знал меры. Дай волю

– разрисовалась бы вся. Вместе с кедами. Ярко значит красиво.

Стас повернулся к ней.

...Отвлекся.

– Ты давно здесь? Подрабатываешь?

– Второй месяц.

– Ну и как успехи?

– Хватает.

– Не страшно? Нарваться ведь можно. На нехороших.

– Пока не нарывалась. Я везучая.

Афродита на секунду обернулась. Стас проследил направление ее взгляда. Метрах в ста пускала выхлопной дым темная «девятка».

– Покровители? Поэтому и не боишься? Сколько им отваливаешь?

– Слушай, мужик... – Девочка затушила окурочек и бросила его под сиденье. – Чего ты ко мне привязался? Может, ты, это самое, не такой?

– Такой. А потом, это ты привязалась, а не я.

– Не надо только в душу лезть. Если денег нет, так и скажи.

– У тебя душа есть?

– Пошел ты...

Она дернула за ручку, но открыть не смогла: Стас заблокировал замки электроникой...Отвлечься!

Он крутанул руль влево, запустил двигатель и резко рванул с места.

Афродиту бросило назад.

– Ты куда? Выпусти. Ну, пожалуйста, выпустите. Мне нельзя.

Стас взглянул в зеркало. «Девятка» включила фары. Ага, погоняться хотите? Бог в помощь.

– Сколько вас таких у этих, в тачке?

– Твое дело какое? Сколько надо. Останови корыто! «Девятка» мгновенно отстала. Сутенеры дырявые. Нормальных проституток держать не могут, только сопливых девок гоняют за четвертной.

Стас сунул руку в нагрудный карман, извлек сложенную сотню, кинул на колени возмущенной Афродите.

– На, угомонись. Туфли купишь. Проституточка мгновенно переправила деньги в сумочку.

– Что, на ходу будем?

– Никак не будем. Покатаемся.

– Скажите, а Афродита... это как?

– Афродита... Богиня любви у древних греков. Народ такой был.

Стас уточнил про греков, подозревая, что попутчица не знает об их существовании.

Деньги поставили все на свои места. Девочка перестала дергать ручку, смотреть назад и требовать остановиться. Она растянулась в глубоком кресле «тойоты» и достала вторую сигарету.

Стас бросил на «торпеду» пачку «Кэмела».

– Выброси свою «болгарию».

– Вы меня отвезете обратно?

– Нет. Все равно больше сотни ты за ночь не делаешь. Зачем возвращаться?

– Мне нельзя уезжать с клиентами.

– Это почему ж? Инструкция?

– Иногда платят больше. Чтоб не спрятала.

Стас усмехнулся. Рэкетмены херовы. Он прижался к обочине и затормозил.

Бесконечный ночной проспект, ровный, как линейка, отдыхал от колес городского транспорта. Магистраль была узловой, неон, в отличие от большинства улиц, не выключался после двух* ночи.

Интересно, они угомонились?

– Тебя как звать?

– Мариной.

– Мариночка-Мариночка-Марина... Они не угомонились.

«Девятка» светанула зрачками фар и, заметив объект преследования, сбросила скорость.

– Зачем они едут?

– Не знаю. Так, на всякий случай.

– Да брось ты, они на бензин больше грохнут, чем с тебя снимут.

«Жигули» остановились метрах в тридцати от «тойоты» и погасили фары.

– Сколько их там?

– Трое.

– Молодые?

– Колобку двадцать два, другим – поменьше.

– Кто такие?

– Бандиты, кто ж еще?!

– Понятно, что не пионервожатые. Шелупонь небось дворовая?

– Вроде крутые.

– Подкрученные.

...Отвлечься!

Отвлечемся.

– Сиди и не высывайся. Суши кеды.

Стас вышел из машины, одернул пиджак и не спеша направился к «девятке». Октябрьские заморозки потихоньку вытесняли тепло летних ночей. Холодно. В кедах и лосинах.

«Девятка» была лохматой, минимум пятилетней Давности, с треснувшим пластмассовым бампером и помятым в городских пробках боком.

Дверь больно лязгнула несмазанными петлями, выпустив седока.

– Проблемы? Девочка чего-то не хочет? Сейчас решим.

...Отвлечься! Как угодно.

Отвлечемся.

Вышедший хрюкнул, схватился за живот и опустился рядом с колесом. Ну, в общем, не то чтобы опустился... Скажем так, быстро упал.

– Ты че, бля...

Второй показался из машины, таща за собой какую-то хреновину, обмотанную изолентой.

Любовью интересуемся?

Стас не страдал любовью к голливудским звездам мордобоя. Проще надо быть, естественнее.

Дурачок с хреновиной, вероятно, страдал. Согнул ноги, заюлил задницей, зашипел, дрыгнул ногой. Прыгнул с приторным визгом. И тоже упал, наткнувшись на прямой встречный удар кулака. Потерял хреновину, схватившись за челюсть, размазывая кровь. Никаких лишних вопросов, никаких комментариев.

Третий, сидевший на заднем сиденье, не решился оставить салон без присмотра. Тут вещи, деньги... А воров сейчас под каждым фонарем.

Стас поднял потерянное соперником оружие. Обычная пружина от дверей, обмотанная изолентой. Изобретатели.

Он щелкнул изобретением по лобовому стеклу несчастной «девятки», затем прошелся по фарам, ослепив транспортное средство. Ну, машину-то зачем уродовать?

Отвлечься!

– Ты, пидорюга! – Колобок, невинно пострадавший первым, уже отдышался и даже чуть выпрямился. – Ты козел натуральный. Знаешь, кто мы такие? Витяй, чего сидишь? Вали его на хер! На братву руку поднял.

Стас, размахнувшись, зашвырнул пружину в кусты, затем развернулся и не оборачиваясь пошел к «тойоте». В ответ на команду Витьку «Вали!» он плюнул – эти братки только и могут, что заставлять пятнадцатилетних соплюх ползать по машинам.

Марина-Афродита ждала освободителя-защитника на улице.

– Ты, ты... К-к-козел!!!

Это были самые благозвучные перлы вице-богини. Остальные содержали подробные описания некоторых мужских органов.

Она бросила недокурную сигарету и кинулась к раненой «девятке».

Стас пожал плечами. Человек – средоточие необъяснимого. Наверное, ей лучше с ними. Даже в кедах на морозе, с мандавошками в башке да с синяками под нарисованными глазами. А он?.. Кто он, после того как сказал «да»? Средоточие чего?

Он сел за руль, прогнал пару километров, свернул в небольшой переулок и остановил «тойоту», пристроившись в хвост припаркованных машин. Заглушил движок, откинул назад

кресло. Пошарив по карманам, вытащил упаковку аминаурина – дорогого немецкого препарата, якобы снимающего стрессы. Подарок знакомого психиатра. Распечатал ампулку – на ладонь высыпались желтые горошинки. Вместо положенной трети бросил в рот е., содержащее. Горошинки были горькими и вязкими.

В эфире затянул Гарри Мур. Бесконечное гитарное соло.

Странно... Стас не искал объяснений, оправданий, аргументов. Сейчас его жгло осознание того, что он сделал это. Сам факт случившегося. А оправдания? Их-то всегда можно найти.

Музыка куда-то улетала, становилась тише и отдаленнее. Наверное, пилюли глушили стресс, а заодно и остальные чувства.

Стас вытянул ноги и закрыл глаза. Словно осколки разбитого зеркала, в памяти стали возникать кусочки жизни, маленькие и большие, веселые и грустные, ничем не связанные друг с другом. Он точно листал альбом со старыми фото, всматривался в знакомые лица, затем переворачивал страничку. Он видел только самые яркие фотографии, серые и выцветшие не привлекали его внимания, будто на них ничего не осталось. Картинки не мелькали, они плавно появлялись и так же плавно растворялись, уступая место новым.

Стас не спал. Сон не несет такой четкости видений, сон, наоборот, превращает реальность в утопию.

Горечь от горошин исчезла. Все исчезло. Остались лишь кусочки-осколки разбитого зеркала. Мозаика. Бьютифул лайф. Его лайф.

На пустынной ночной улице Питера, в остывающей «тойоте», сидел президент крупнейшей компании «КиС» Станислав Владимирович Малахов, молодой человек тридцати двух лет от роду, никогда не считавший себя плохим парнем.

Звучала медленная классическая музыка.

Глава 1

– Дай дожевать. Я такую еще не пробовал. – Костя бережно разгладил на ладони мятый желтый фантик жевательной резинки «Джусифрут», аккуратно свернул и спрятал в школьный пиджак. Затем выплюнул в руку белый комочек со следами зубов и протянул Стасу.

– Держи. Когда вызовут – спрячь. Голько не в карман, а то прилипнет.

– Где взял?

– У Витьки батя вчера с рейса вернулся. Привез целый блок.

– Здорово. Классная резинка.

На самом деле вкуса у резинки давно не было. Но это была настоящая жвачка, ее можно бесконечно мусолить, подражая хоккеистам НХЛ. Они все время с резинками. Клевые парни.

Стас громко зачавкал, перекачивая «жову» от щеки к щеке.

Они сидели в длинном темном школьном коридоре на деревянной лавочке перед тяжелыми дверями завуча, за которыми в настоящую минуту шел совет дружины. Уроки давно закончились, одноклассники разбежались по домам, второй смены в их школе не было.

Председатель совета отряда, Ленка Перцева, тощая, как школьная доска, и вредная, как колорадский жук, Нодошла на английском к Косте и предупредила, что сегодня в четыре их будут разбирать. Его и Малахова. Костя скривил губы и послал председателя к черту, Председатель пожаловалась классной маме. Костя получил очередную запись в дневник и указание прибыть на разбор. Классная мама была женщина крутого нрава, с одного удара ломавшая указку о нерадивую голову, поэтому Костя рисковать не стал. Лучше пускай разберут. Хоть узнаю, что внутри.

– Батя Витькин пластов привез. Ништяк диски. «Битлы» и «Папл». Сходим завтра, заслушаем. Витька один дома будет. Жалко, мага нет, не переписать.

– Ага.

– Что говорить-то будем? Эх, Сани сегодня нет. Его уже разбирали, спросили бы, как там. А чего говорить? Все равно не поверят. От предков я уже огреб. Здесь теперь...

Дверная ручка повернулась. Девчонка из параллельного 7-б высунула лисью мордочку:

– Малахов, Синицкий, заходите.

Стас прижал резинку языком и, вздохнув, шагнул вслед за Костей.

В кабинете завуча собралось человек пятнадцать. Активисты-отличники. Их класс представляла Перцева, одевшая, вероятно, по поводу сегодняшнего события до синевы накрахмаленный фартук. Ее прическу украшал роскошный белый бант. Председатель совета дружины, амбалка из девятого класса, давным-давно вышедшая из пионерского возраста, но все еще таскавшая галстук как символ должности, сидела на месте завуча, перекладывая листочки, изображая деловитость и строгость.

Из учителей был историк Семен Давидович, пожилой мужчина в огромных очках, ужасно близорукий и не менее неуклюжий. Но, несмотря на эти недостатки, в школе он пользовался если не любовью, то благосклонностью учеников, потому что никогда не повышал голоса, оценки ставил по справедливости и рассказывал много смешных историй из своей жизни. Однажды, вернувшись в пустой класс за забытым учебником, Стас случайно застал там Семена Давидовича. Историк, держа в руке очки, сидел на подоконнике и, застыв будто статуя, слезящимися глазами смотрел на пустынный школьный двор. Стас забрал учебник, вышел из класса, но учитель даже не обернулся, продолжая смотреть в окно. Станный дядька.

Классная мама тоже находилась в кабинете, заняв место, возле окна. Она была в черном платье, а значит, в дурном настроении. Стас давно изучил эту примету.

Остальные присутствующие, в основном девчонки, расселись вдоль стен. Председатель вытащила из папочки листок, взглянула на классную маму, затем на Стаса с Костей и хорошо поставленным голосом заныла:

– На повестке дня обсуждается поведение учеников 7-а класса Стаса Малахова и Константина Сеницкого. В школу поступила бумага из детской комнаты милиции о происшествии, случившемся 2 апреля этого года с названными учениками. Я зачитаю. «2 апреля сего года подростки Малахов Станислав, проживающий на Шарикоподшипниковой, дом 10, квартира 25, и Сеницкий Константин, проживающий в квартире 40 этого же дома, ученики 7-а класса вашей школы, около восьми часов вечера во дворе дома j 17 по Вагоно-роительному проспекту избили подростка Гудаева Гаида, но были задержаны гражданами и доставлены в отделение милиции. У Гудаева зафиксировано сотрясение головного мозга. Малахов и Сеницкий поставлены на учет в инспекцию по делам несовершеннолетних. Просим провести воспитательную работу с указанными подростками». Вот так. Это ЧП для нашей школы.

Резинка под языком очень мешала, и Стас перекинул ее к левой щеке.

– Лена, – председатель повернула голову к Перцевой, – доложи, пожалуйста, совету дружины, как характеризуются Малахов и Сеницкий. Перцева поднесла к глазам лежащий у нее на коленях «кляузник».

– Начну с учебы. Четверть оба закончили плохо, у Малахова – три тройки, у Сеницкого – четыре.

– А пятерки есть? – поинтересовался Семен Давидович.

– Да, – нехотя кивнула Перцева. – По физкультуре и пению. Поведение удовлетворительное. Теперь внеклассовая работа. Малахов закреплен за культмассовым сектором, Сеницкий – за физкультурным, но никакой активности ни тот, ни другой не ведут.

Легкое косноязычие Перцевой можно было списать на ответственность момента, поэтому ее никто не поправлял.

– На последнем сборе макулатуры Малахов сдал только четыре килограмма вместо двадцати положенных, а Сеницкий вообще не сдавал.

Председатель осуждающе покачала головой, сунув при этом в рот кончик галстука.

Стас переместил резинку за правую щеку. Ага, двадцать кэгэ. Он что, лошадь?

– Теперь замечания, – продолжала закладывать Перцева. – В прошлом месяце Сеницкий принес в школу магнитофон и крутил в туалете западную музыку...

Тихое перешептывание в рядах. Позор.

– Сеницкий замечен в курении учителем физкультуры, а Малахов не охватился подпиской на «Ленинские искры».

Ну, это уж совсем...

Стас действительно не «охватился». Но он тут ни при чем. Мать не дала денег принципиально. Что за «Искры»? И почему ленинские? А правда, почему? Может, Ильичу в глаз засветили во время штурма Зимнего, и это событие было увековечено в названии газеты? А откуда еще у человека могут сыпаться искры?

Председательские брови поползли к носу, как две гусеницы к груше. Стас опять спрятал резинку под язык.

– На совете отряда Малахов и Сеницкий разбирались за то, что в учебнике истории нарисовали... Хм...

– Что нарисовали? – Левая бровь-гусеница председателя взлетела вверх.

– Свиной пяточок Леониду Ильичу Брежневу. Сидевший у двери Серега Скворцов из 8-а гоготнул.

– Ничего смешного, Сережа! – Председатель вынула изо рта галстук. – Знаешь, как это называется? Это называется предательство!

Серега опустил глаза.

Пятачок нарисовал Стас. Не то чтобы со злым Умыслом, а так, из баловства. Училка заметила, отобрала учебник, накатала длинное замечание и научала классной маме. Не повезло. Делать чертика именно из Леонида Ильича в планы не входило. Подвернулся под авторучку. Нарисуй Стас пятак кому другому типа Джордано Бруно, сожженному на костре, последствия были бы помягче. Джордано хоть и положительная личность, но жил в капиталистической стране, то есть империалист. А Леонид Ильич... Предатель. Стас рисовал. Костя раскрашивал...

– И вам не стыдно после этого носить галстуки? Вы знаете, что такое галстук?

– Частичка красного знамени...

– Правильно. Красного. Оно в крови наших отцов и дедов.

Костя едва заметно кивнул. Его галстук точно в бабкиной крови. Родитель вчера вернулся с разбитой харей, нажрался до усрачки, и подтер свой нос висевшим на стуле Костиным галстуком.

– Да, да! Наши отцы проливали кровь, чтобы вы могли учиться, жить в прекрасном обществе, строить коммунизм! А вы? Я не знаю, как это можно назвать! Вам на будущий год вступать в комсомол! Вы запятнали честь героев-пионеров! Павлика Морозова, потом этого, как его... Олега Кошевого!

Семен Давидович чуть кашлянул. Олег Кошевой не был героем-пионером.

Председатель не заметила.

– Да, это предательство! Западная музыка, папиросы – и вот результат. Избит ребенок. Кем избит? Пи-о-не-ра-ми! Которые торжественно приносили клятву...

Стас сжал резинку зубами, Костя смотрел в окно. Избили ребенка. Надо же, бедный Гамид! Сиротка. Его, пожалуй, избьешь...

Гамид жил в новом доме на проспекте. Он появился в их районе год назад, приехав с матерью в Питер то ли из Дагестана, то ли из Чечено-Ингушетии. Его отца зарезали в какой-то потасовке, и богатый родственник, живший в Питере, купил им с матерью кооперативную квартиру, куда семья Гудаевых и переехала.

Гамид первое время не высовывался, постоянно сидел дома и ни с кем не дружил. Но вскорости осмелел, сколотил команду из «трудных» и стал завоевывать авторитет, отнимая деньги у школьников да обирая пьяниц. От Гамида местные пацаны узнали, что такое «план». Удивляли его рассказы об исторической родине, где якобы чечены с ингушами вовсе не живут дружной семьей советских народов, а при первом удобном случае готовы резать друг другу глотки. Он рассказывал, что крестьяне пашут землю на танках, украденных или купленных у Советской Армии, а молодежь ходит на танцы с «лимонками» в карманах. Над этими байками все смеялись, потому что по телику ни разу не показали чечена или ингуша, боронящего поле на танке. Ерунда полная.

Гамид был мстительным и жестоким пацаном. Обиду запоминал надолго и при первом удобном случае старался отомстить сопернику самым болезненным способом.

Со Стасом и Костей его пути почти не пересекались, хотя ребята были с ним знакомы. Соседние дворы – волей-неволей познакомишься. Месяц назад их Дорожки пересеклись.

Гамид изучал карманы Костиного соседа по площадке, двенадцатилетнего пацана, перед этим разбив ему нос. Пацан плакал, отдавая Гамиду медяки и какие-то значки. С Гамидом было человека три. Костя на рожон не лез, с Гамидом связываться не хотелось, но Вадика, соседа, было жалко. Он собирал эти значки, имея дома небольшую коллекцию, которой все время хвастался и гордился. Костя просто подошел и попросил не забирать у Вадика значки. Гамид рассмеялся, сунул руку в карман, но вместо значков вытащил складной нож. Костя не очень-то напугался, он тоже слыл крутым пацаном и уступать какому-то чужаку не собирался. Кусок трубы, валявшийся в грязи, – достойная альтернатива ножу.

Но разборки не получилось. Проходивший мимо военный, уловив в позах подростков агрессивность, вмешался, отобрал ножи и трубы, поменяв их на крепкие подзатыльники. Гамид напоследок погрозил Косте кулаком, заявив, что сегодняшняя история еще икнется, Гамид кровных обид не прощает. Костя в ответ сплюнул под ноги и покрутил пальцем у виска, давая понять, что у Гамида не все дома.

Икнулось три дня назад, когда Костя со Стасом возвращались с «Железной маски». Кино с Жаном Марэ. Гамид, должно быть, видел, как они брали билеты, и решил подкараулить их после сеанса вместе со своей Стасй. Силы были явно не равны. Да и труб рядом не валялось. Стас отбивался только кулаками, воодушевленный подвигами дАртаньяна на экране, Косте повезло с кирпичом.

В потасовку на сей раз вмешался не военный, а участковый, доставивший всех участников боя в отделение. Гамида пришлось отправить в «травму» – один раз кирпич достиг-таки цели. Не сильно, но больно. Рассек висок. А оказывается, еще и сотрясение.

– Так что прикажете с вами делать? Слушаем. Вы можете объяснить свое поведение? Что вам сделал этот чечено-ингуш? Он сирота, а вы вместо того, чтобы... Эх!

Председатель махнула рукой.

– Вы слышали? – вступила в воспитательный процесс классная дама. – Синицкий! Постарайся уж объяснить нам что-нибудь.

Костя потупил глаза.

– Что ты молчишь? – А что говорить? Настучать на Гамида, как он деньги стрижет?

– Мы в «войну» играли. Гамид сам упал. Чего сразу Синицкий?

– Ах, в «войну»... А ты что скажешь, Малахов? Резинка застряла в самый неподходящий момент. Стас закашлялся и выплюнул деликатес на паркетный пол.

– Это... Это что? Жвачка?! Ну... Ну, это уж... У классной мамы перехватило дыхание. Она была ярой коммунисткой по жизни, при любом удобном случае пела славу партии и, разумеется, заставляла петь учеников. Любые проявления инакомыслия, начиная с анекдотов и заканчивая западными шмотками, пресекались указкой или «неудом» по поведению. Позор! Предательство!

– Ах ты, мерзавец! Иметь наглость прийти на заседание совета пионерской дружины с жвачкой. Да ты самая настоящая жвачная корова! Где ты взял эту гадость, отвечай?!

Стас вжал голову в плечи, ожидая удара.

– Маргарита Андреевна, жвачка не самое страшное, – слегка разрядил обстановку Семен Давидович. – Это некультурно, но это не запрещено.

Классная развела руки:

– Я вас не понимаю, Семен Давидович. Это же империалистические ростки. Сегодня жвачка, потом наркотики. Вы этого хотите? ~ Нет, не хочу. Просто не стоит перегибать.

– Ну, знаете...

Маргарита села на стул.

Председатель, так и не решив, на чью сторону переметнуться, наконец выбрала более перспективную позицию:

– Я предлагаю за поведение, недостойное звания пионера, лишить Малахова и Синицкого галстуков и исключить их из рядов пионерской организации. Кто за?

Суд был скор и единогласен. В присутствии Маргариты никто голосовать против не рискнул. Перцева ехидно улыбнулась.

Это было позорное наказание. С лишенным галстука никто не разговаривал, его старались не замечать, и все неудачи отряда списывались именно на изгнанного из пионеров. Когда в том году выгнали из организации Борьку Смирнова, он перешел в другую школу. Его затравили «нормальные» пионеры. Он стал второсортным.

– Малахов и Синицкий, решением совета дружины вы исключены. Снимите галстуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.